

— ... По правде говоря, невозможно, чтобы кто-то вроде меня знал такого человека, как он, — сказал героический культиватор, завершая свои угрюмые воспоминания. — В конце концов, все, что я могу предложить сегодня, — это благодарность за ту доброту, которую он проявил ко мне в те немногие мгновения, когда наши пути пересеклись.

Грифон издал несколько вежливых звуков, произнёс несколько сочувственных слов, но при этом он смотрел на меня краем глаза. Его зрачок слабо дрожал. Было ли это волнение или хорошо сдерживаемый страх? Первое, зная его, хотя второе было бы более разумной реакцией. Героический культиватор лишь вкратце рассказал о своей связи с человеком, которому была посвящена ночь, но этого было достаточно.

Сегодня Олимпия отправила на упокой не просто Тирана.

Кириос Культа Бушующего Неба был мёртв.

— А что насчёт вас двоих? Откуда вы его знаете? — спросил герой, собравшись с мыслями. Его брови внезапно нахмурились, пламя в глазах затрепетало. — Нет, вначале. Простите меня, я забылся. Меня зовут Скифас. — Его имя было даровано, а не подарено - с расчётом на возвращение.

— Грифон, — без колебаний ответил бывший молодой аристократ. Горящие глаза Скифаса обратились ко мне.

— Сол.

— Приятно познакомиться, — решил он.

— Согласен. — Рука Грифона каким-то образом все ещё была перекинута через плечо молодого героя. Он слегка толкнул его, помахав рукой между нами двумя. — Что касается нас, наши пути пересеклись с кириосом так же, как и твои.

— Это так? — спросил Скифас с интересом и искусно замаскированным подозрением. Его уловка была ясна с самого начала: он описал свои собственные обстоятельства в Олимпии лишь в самых туманных выражениях. Даже признание личности кириоса было дано неохотно — и без указания имени. Что-то подсказывало мне, что он дал так много, только потому, что чувствовал, что должен.

Чтобы доказать своё позицию. Это был инстинкт, но Грифон явно пришёл к тому же выводу. Скифас прощупывал нас. Проверял нашу легитимность и одновременно доказывал свою собственную. Но зачем себя оправдывать? У героя не было причин оправдываться перед парой заносчивых философов. Разница в нашем положении была ясна как день.

Если только она не была.

— Не притворяйся, что ты не заметил, — укорил Грифон. — Это написано на твоём лице — претендент узнаёт претендента. Мы пришли, чтобы принять участие в играх, как и ты.

Это не было ложью. Грифон не говорит лжи. Но это только сделало заявление ещё более абсурдным. Я сжал правый кулак — тот, который не был в поле зрения героического

культиватора. О чём он думает?

Скифас посмотрел на меня вопросительно. Он не опроверг догадку Грифона. Не просто Герой, а Олимпийский атлет в будущем.

Грифон выжидательно поднял бровь. К несчастью для него, он больше не был Молодым Аристократом Розовой Зари, а я больше не был одним из его рабов.

— Он пришёл принять участие, — сказал я, подчёркивая различие. Если он думал, что я буду вечно подыгрывать его планам, он сильно ошибался.

У меня было лишь мгновение, чтобы насладиться раздражённым взглядом Грифона. После моего ответа Скифас немного расслабился, как будто я только что прояснил несоответствие в истории, а не открыто противоречил ей. Грифон тоже заметил это, раздражение в долю секунды сменилось удовлетворением.

— Сол слишком скромн, — заверил он Скифаса. — Может, он и не участвует напрямую, но если бы не он, меня бы здесь не было.

Никчёмный Грек.

— Твой наставник? — спросил Скифас, искренне удивлённый. Возникло какое-то ощущение, то бесформенное что-то, что описывал Грифон, прежде чем Скифас прервал нас.

Происходило слишком много всего, когда я вознёсся. Даже сейчас, оглядываясь назад, когда моя пневма освободилась, невозможно отделить одно ощущение от другого. Мгновения, секунды, минуты и часы. Все они слились воедино. Это было смутное ощущение в Розовой Заре, когда кандалы спали и я призвал добродетель капитана. Я ощущал её влияние на окружающих меня людей более отчётливо, чем раньше.

Теперь же я почувствовал прикосновение влияния героического культиватора к моему. Инстинктивно я знал, что он не измеряет мою пневму. Он уже делал это с самого начала, и мы делали то же самое. Он искал что-то более глубокое, чем то, что можно было описать как духовное рукопожатие.

Я экспериментально напряг добродетель капитана и заворуженно наблюдал, как цепкие руки его влияния врезались в грязь.

Скифас отступил назад, уставившись на меня.

Я безнадежно встрял в этот момент. Грифон излучал победу, и всё, что я мог сделать, это притвориться, что мои действия были намеренными.

— Смотри на солнце и ослепнешь, — мягко сказал я. Грифон захихикал. Скифас, в свою очередь, зашевелился на месте. Он нервным жестом разгладил свою культовую мантию.

Для простого философа было безумием маскироваться под Героя. Пропасть, разделявшая их, была разницей между небом и землёй. Несмотря на это, я шагнул к нему, оценивая его, как будто он не был моим старшим по возрасту, и по уровню культивации.

— Ты не был здесь долго, — сказал я, оглядывая его с ног до головы. Тихие звуки траура

окутали нас. Мужчины и женщины всхлипывали или говорили друг с другом на низких, торжественных тонах. Кириос ушёл слишком рано. Что они будут делать без него? — Ты впервые участвуешь в соревнованиях.

— А что если и так?

Его волосы были слишком длинными. Они завивались на затылке, оттенок блонда был чуть темнее, чем у Грифона. Мои офицерские инстинкты зашевелились, погребённые под солью и пеплом, и поднялись на поверхность моих мыслей. Он проецировал все неправильные вещи. Его волосы, его осанка, состояние его одежды. Его пневма не лгала — он был Героем. Но ему не удалось действительно показать это.

Я протянул Скифасу руку, и он без колебаний взял её. Я сдержал дрожь, когда он раздавил мою в своей — он считал себя здесь младшим, аутсайдером, которому нужно утвердиться. Вполне естественно, что он показал мне свою силу. Я спокойно встретил его взгляд, и за мгновение до того, как тонкие кости моей руки сломались, я призвал эту новую, тихую, как шёпот, версию капитанской добродетели. Скифас отпрянул назад.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

— Я уже бывал на твоём месте. — Это была чистая правда. Я расправил плечи и кивнул, когда он бессознательно подражал мне. — Стой гордо. Ты силен.

Его позвоночник выпрямился, и его дух — вечный огонь, который горел в глазах всех Героических культиваторов — вспыхнул от удовольствия. Я сразу понял, что у него не так много друзей в этом городе. Он напоминал мне некоторых молодых легионеров из пятого, тех, кто вступил в него, потому что им больше некуда было идти. На самом деле, если бы он остриг волосы...

Нет. Ничего из этого.

— Почему я не видел вас двоих в секте? — спросил Скифас, затаённое подозрение боролось с искренним любопытством. Он взглянул на Грифона, оценивая его как конкурента, тогда как раньше он был потенциальной... угрозой? Самозванцем? Это вообще было эксклюзивное мероприятие? Казалось, что все культиваторы в городе собрались на него.

— Я не могу выносить политику моего культа, — сказал Грифон, пожав плечами. — Я бы не хотел менять одну на другую.

— Ты... что?! Ты сошёл с ума?

— Да, — подтвердил я. — На самом деле...

Мой нос сморщился.

Грифон что-то сказал в ответ на мой комментарий, притворившись обиженным, но я не расслышал. Я медленно вдыхал. Что это был за запах? Он был слабым, приторно сладким, как дым костра, разносимый ветром. Но что-то в нём было.

Я задержал дыхание и зажал нос, не обращая внимания на взгляды, брошенные на меня Грифоном и Скифасом. Пронизывающая вонь городских отбросов и пота, принесённая толпой, исчезла.

Остался запах сладкого кострового дыма. Я почувствовал его вкус на языке.

— Ты тоже не мятой пахнешь, — сказал мне Грифон, и на этот раз он действительно выглядел обиженным. Скифас незаметно повернул голову, обнюхивая своё культовое одеяние.

— Что-то горит? — спросил я наконец. Это был не погребальный костёр. На вкус это был сгоревший кипарис. Грифон и Скифас переглянулись. Скифас поднял свой факел. — Не бери в голову.

Грифон воспринял это спокойно, вернувшись к теме Культа Бушующего Неба и своему решению не вступать в его ряды. Скифас уже подвели к мысли, что нам предложили статус посвящённых, но мы отказались от него, и Грифон с радостью последовал за ним по этому пути. В результате возникла жаркая дискуссия о плюсах и минусах высших культов тайн. Теперь он был полностью захвачен ритмом Грифона.

Я слушал вполуха, отвечая на наводящие комментарии Грифона о Розовой Заре, но в остальном отстраняясь от всего остального. Скифас был так же туманен в деталях своего родного культа, как и в отношении Культа Бушующего Неба, хотя с каждым мгновением его насторожённость по отношению к нам ослабевала. Вместо этого я сосредоточился на дыме, прослеживая его путь сквозь толпу.

Он не следовал за ветерком как настоящий дым. За ним стояло намерение, и это стало очевидно, когда я проследил его путь своими чувствами.

Там, где дым собирался, моё Софическое чувство улавливало мужчин и женщин, наделённых властью. Дым клубился вокруг них такими плотными облаками, что я удивился, как они вообще могли дышать. Он оседал в их порах, оставляя остатки себя, а затем двигался дальше сквозь толпу в поисках других сильных культиваторов. Когда я потянулся к Скифасу моим Софическим чувством, я не обнаружил в нём ничего другого. Но остатки этого запаха были там. Но не на Грифоне и не на мне. Чем бы ни был этот дым, он отмечал Героев в толпе.

Скифас остановился на середине спора с Грифоном и с любопытством посмотрел на меня.

Ах. Он почувствовал это.

Я только что пометил всех известных культиваторов на расстоянии крика.

— Это правда, что есть преимущества вступления в такое учреждение, как Бушующие Небо, — сказал я, старательно сопротивляясь желанию начать бежать. — Социализация, например. Есть определённые вещи, которым ровесники могут научить тебя, а я никогда не смогу.

— Видишь? Твой наставник согласен, — добавил Скифас, победно ухмыляясь Грифону. Я почувствовал вопрос, который Грифон хотел задать, но вместо этого он наклонил голову в знак признания. Алые глаза мерцали в свете его Розовых Пальцев.

— Думаю, знакомство с конкурентами не повредит, — размышлял он с насмешливой неохотой. Он бросил взгляд на Скифаса. — Что скажешь, друг? Не хочешь представить этого скромного софиста остальным?

— Нет нужды, — сказал я.

В ответ на их молчаливое замешательство я позволил моему Софическому чувству, моему новому влиянию, опуститься на их плечи, подражая панкратионовским рукам Грифона. Оно побудило их обоих повернуться на запад, и когда они это сделали, то увидели женщину, пробивающуюся сквозь толпу к нам. Её в остальном безупречная кожа была изрезана глубокими шрамами, словно мастер вырезал её из мрамора, а затем передал резец ребёнку.

Дальше на западе к нам приближался мужчина с ещё большей скоростью. Он был массивным, и только его рост убирал людей с его пути, он носил шкуру крокодила в качестве мантии и плаща поверх культового одеяния.

Были и другие, идущие к нам со всех сторон. Идущие ко мне.

— Я взял на себя смелость собрать их сам, — просто сказал я, полностью отдаваясь игре. Мои воспоминания о наставнике, который сделал всё возможное, чтобы сделать из высокомерного молодого патриция достойного человека, были слабыми, но я никогда не забуду его тон.

Это была догадка, но я был в ней уверен. Они были Героями, все из них, в культовых одеяниях разных цветов. Они не были коренными жителями Олимпии и не боялись протиснуться мимо тех, кто был. Они были молоды, сильны и готовы к бою.

После всех тех поучений, которые я дал Грифону, именно я бросил нас на съедение волкам. Естественно, выражение лица Грифона озарилось, когда он понял, что я сделал. Почему-то от этого стало ещё хуже.

Грифон шагнул вперёд, чтобы встретить покрытую шрамами женщину, когда она протиснулась через последних Софических культиваторов между нами, увлекая за собой Скифаса. Насторожённость, которая почти исчезла у более низкого Героя, вернулась в полную силу, когда они поприветствовали друг друга. Но что бы ни было сказано, в следующее мгновение их заглушил гулкий удар.

Начали бить погребальные барабаны.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3187343>